

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

ДЕРЕШЕВ Т. В.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимофей Дерешев

Там, где кончается асфальт

«Автор»

2026

Дерешев Т. В.

Там, где кончается асфальт / Т. В. Дерешев — «Автор», 2026

Я видел, как менты забили мужика на Проспекте Мира. Его загрузили в «бобик» и увезли. На асфальте остался только ботинок. И слова про какого-то полковника. Теперь я служу в УСБ. Меня учили вычислять стукачей, ломать людей и прятать улики. Но я здесь не ради погон. Я внедрился в систему, чтобы найти ответ. Меня проверяют грязными деньгами, тёмными подвалами и чужими тайнами. Чем глубже я копаю, тем яснее одно: правда стоит дорого. И асфальт когда-нибудь кончится. Это не детектив. Это мои показания

Содержание

Глава	5
ПОКАЗАНИЯ СТАЛЬНОГО	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. ПРИМАНКА	8
ГЛАВА 2. ВЕЩДОКИ	10
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ НАРЯД	12
ГЛАВА 4. НОЧНАЯ СМЕНА	14
ГЛАВА 5. ЧЁРНАЯ ВОЛГА	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Там, где кончается асфальт

Глава

ПОКАЗАНИЯ СТАЛЬНОГО

Лампа была не в лицо - в душу. Слева монотонно гудел диктофон с чёрной наклейкой «ФСБ РФ - оперотдел», справа стыл графин с водой, ленинградский, ещё с тех заводов, что умели делать вещи на века. Я сидел на табурете, прикрученном к полу, и растирал запястья. Наручники с меня сняли почти сразу, едва завели в кабинет, но красные полосы от них остались - въелись в кожу, как память о том, куда я попал. Вежливые попались, суки.

Их было двое. Первый - майор лет сорока, с простым крестьянским лицом и глазами, в которых ничего не отражалось. Второй - штатский, лысоватый, в вязаном жилете поверх рубашки, - курил и стряхивал пепел в пустую консервную банку.

- Стальной Сергей Александрович... - майор пододвинул ко мне дело. Папка пухлая, страницы свежие - недавно подняли. - Мы тут на тебя кое-что нарыли. Двенадцать эпизодов превышения, два убийства, одно «исчезновение» генерала МВД. Но самое поганое - ты ведь свой. Или был своим. Когда ты перестал им быть? Или... наоборот?

Кивок штатскому. Диктофон загудел.

- С самого начала. Без сказок. И чтоб я видел: ты не пиздишь.

Я усмехнулся.

- С какого начала? С Проспекта Мира?

При слове «Проспект Мира» штатский на миг замер. Я заметил. Значит, знают. Значит, и туда копнули.

- С любого, - спокойно ответил майор. - Время есть.

Я налил воды, глянул на серые стены, не изменившиеся за двадцать лет, и начал:

- Давеча решил я, значит, прогуляться по Проспекту Мира...

ПРОЛОГ

Давеча решил я прогуляться по Проспекту Мира. Мне тогда лет двадцать было, не больше. Молодой, зелёный, кровь играет - кажется, весь мир пополам переломить. Иду весной дышу, а навстречу - картина, которую до сих пор перед глазами таскаю.

Лежит мужик. Лет пятидесяти, седой во всю голову. Не бомж, не алкаш - скорее из рабочих, телогрейка добротная. К нему подкатывает «бобик» уазик без мигалок, но по рожам тех, кто вылез, сразу ясно - менты. Не обычные патрульные, а оперы или того хуже - волкодавы из какого-нибудь спецотдела. Такие могут и убить, и даже не вспотеть. Номер я машинально запомнил, сам не зная зачем.

Выходят двое. Крутые, плечистые, с дубинками - вторые Джеки Чаны, только без чувства юмора. Рожи лоснятся, глазки пустые.

- Давай, отец, загружайся. План горит, понял-принял?

Мужик сплюнул и головой мотнул. А потом добавил - тихо, но так, что у меня внутри что-то щёлкнуло:

- Я вашего полковника насквозь вижу. Так и передай - пусть не прячется.

Тот, кто говорил, даже осёкся на секунду. Видно, не ждал.

И началось. С локтя, потом по рёбрам, потом уже вдвоём - деловито, как мешки на складе. Седой хрипел, закрывался, но возраст. Я стоял и чувствовал, как внутри обрывается тонкая нить. Они били, а в голове билась только одна мысль.

Потом его закинули в «бобик» - мешком. На асфальте остался один ботинок. Чёрный, стоптанный. Я его запомнил.

Стоял и смотрел, как вороны на проводах, и понимал: вот такая она, твоя милиция. В тот момент я всё для себя решил. Решил, что буду копать под них. Собирать информацию, искать связи, выходить на главных. И начать решил с того самого полковника, о котором упомянул седой. Кто он? Почему его боятся даже свои? Ответы на эти вопросы стали моей целью.

ГЛАВА 1. ПРИМАНКА

План я продумал не за один день. Сначала просто крутился в тех местах, где, по слухам, менты собирали дань. Рынок у Южного шоссе, стихийная барахолка на Речной, пивнуха «У дяди Жоры» - там постоянно тёрлись одни и те же рожи в погонах. Я начал с наблюдения. Записывал время, смены, нравы. Кто берёт на карман, кто грубит, кто предпочитает просто напугать. Через пару недель я знал уже весь расклад.

Выбрал ту кодлу, что показалась самой уязвимой: капитан и два сержанта, тупые и наглые, как пробки в луже. Они работали по одному и тому же сценарию: вечер, ларёк, угроза, деньги. Никакой фантазии. И главное - они явно не ждали, что кто-то даст им отпор. Значит, если устроить им публичный позор, они впадут в ярость и сделают всё за меня. Останется только попасть в их лапы. И не сдохнуть по дороге.

Так я и поступил.

Я выбрал точку: рынок на окраине, та же самая кодла. Вечер, фонари через один. Я тёрся там уже неделю, ждал момента.

Они зажали мужика с сигаретами. Капитан отвесил ему затрещину, пачки рассыпались.

Я вышел из тени - походка шаткая, взгляд пьяный. Внутри - лёд.

- Э, мужики, отвалите от него.

- Иди проспись, малолетка,

- бросил один, не оборачиваясь.

Я подошёл и молча заехал капитану в ухо. Без замаха, просто наотмашь. Он взвыл. Тут же началась моя «избивка»: уронили лицом в асфальт, приложили дубинкой по рёбрам - хрустнуло, спектакль чуть не провалил. Я орал сквозь зубы, что они мусора, а не власть, но не защищался. Считал секунды.

Меня зашвырнули в «бобик», повезли. В участке - подвал, лампа. Капитан с красным ухом шипел про сопротивление, а я твердил одно: вы меня не сломаете.

Именно этого и ждали. Спектакль для скрытой камеры или стукача за стенкой. УСБ всегда паслось рядом с теми, кто готов рвать своих.

На третьи сутки дверь открылась не сержантом. Вошёл человек в штатском, серый костюм, глаза рыбы, - пальцы цепкие. Сел напротив, долго молча разглядывал.

- Стальной Сергей Александрович, двадцать лет, студент. Понимаешь, что тебе светит?

Я сплюнул ему под туфли. Кровь растеклась по коже.

- Когда-нибудь я вам всем кишки на палку намотаю.

Он даже не посмотрел на ботинок. Улыбнулся краешком рта.

- Горячий. Не продался. Такие нам нужны. Хочешь наказать их изнутри?

Вот она, дверь. Я смотрел на него и думал: «Попался, падла. Не ты меня вербуешь, а я тебя». Весь цирк со сломанным ребром был моим собеседованием.

- Что надо делать? - спросил я.

Он встал. На левом запястье мелькнула старая татуировка - волчья морда. Я запомнил.

- Подлатаем. Потом познакомлю с нужными людьми.

И вышел. Общий интерес. Значит, не я один охочусь внутри системы.

В кармане у меня лежала пожелтевшая фотография седого. На обороте - карандашом: «Седой. Проспект Мира. Полковник???». Ради него я был согласен на всё

ГЛАВА 2. ВЕЩДОКИ

Место, куда меня привезли через неделю после той беседы, на базу не походило совсем. Старый пансионат в лесу, километров сорок от города. Вывески нет, забор глухой, на воротах - ни одного мента в форме. Только пара ребят в штатском, и у каждого взгляд, будто ценник на тебе высчитывает. Мой провожатый, тот самый хлыщ в сером костюме, передал меня с рук на руки, как мешок картошки, и исчез. Больше я его не видел. Но татуировку запомнил - волчью морду на левом запястье.

Команды здесь отдавал человек, которого все звали Шрам. Не за глаза - в лицо. Через всё лицо у него тянулся белёсый рубец, от виска до подбородка, придавая ему сходство с осклизшимся зверем. Он был нашим куратором - тем, кто решал, выживешь ты или сломаешься. Из бывших оперов, легенды ходили, что он в одиночку вырезал банду в Чечне и вышел, даже не запыхавшись. Он был из тех, кто сначала бьёт, а потом смотрит в документы.

- Стальной? - переспросил он, глянув в бумаги, но не на меня. - Фамилия громкая. Посмотрим, не зря ли.

И посмотрели.

Учебка УСБ не была похожа на обычную милицейскую школу. Нас, человек двенадцать, никто не муштровал строевым шагом. Вместо этого - бесконечная полоса препятствий, рукопашка до потери пульса, стрельба с холодного ствола и главное - спецпредмет. Нас учили вычислять стукачей, читать людей как открытую книгу, вербовать, давить, ломать. Из меня и других таких же злых и голодных пацанов делали волкодавов. Официально - для борьбы с оборотнями в погонах. Неофициально - чтобы держать систему в страхе.

Первые дни я просто выживал. Рёбра ещё ныли после той драки, но я стискивал зубы и полз. Нельзя было дать слабину. Здесь уважали только ярость и силу. И я давал им и того, и другого.

На второй неделе случилось то, что окончательно превратило мою злость в ледяной расчёт.

Шрам привёл нас в подвал. Там, в сыром бетонном мешке, было холодно, пахло плесенью и старым табаком. У стен стояли стеллажи с коробками. Он обвёл рукой помещение.

- Это архив вещдоков по делам, которые никогда не дойдут до суда. Здесь всё, что мы изъяли у своих и не стали отдавать прокуратуре. Учитесь понимать: одна такая бумажка может уничтожить человека быстрее, чем пуля, и без шума. Компромат - оружие посильнее ствола, если знаешь, как его применить.

Он достал наугад одну из картонных коробок, поставил на стол перед нами. Я стоял в первом ряду, потому что всегда лез вперёд, чтобы не выглядеть трусом. Шрам вскрыл коробку, и у меня перехватило дыхание.

Внутри, среди пожелтевших бумаг и мутных целлофановых пакетов с какими-то окурками и ножами, лежал ботинок.

Чёрный. Стоптанный. Сорок второй размер.

Тот самый.

Я смотрел на него и не мог отвести глаз. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо, кажется, осталось каменным. Шрам что-то говорил про важность правильной описи, про то, что такие вещдоки могут висеть дамокловым мечом над кем угодно, а я не слышал. Я видел только асфальт на Проспекте Мира, слышал хрип седого мужика и его фразу про полковника.

Значит, дело жило. Его не закрыли, не сожгли. Его просто спрятали здесь, под замком, в подвале волкодавов. И те, кто меня сюда привёл, возможно, знали о нём больше моего.

- Интересно? - голос Шрама выдернул меня из ступора. Он смотрел прямо на меня.

Я сделал лицо скучающим, даже зевнул слегка.

- Барахло, - бросил я. - Думал, оружие покажете.

Он усмехнулся, и шрам на его лице сморщился, как змея.

- Всему своё время, Стальной. Сначала научись видеть то, что другие прячут.

Я кивнул, заставляя себя смотреть куда угодно, только не на эту коробку. Но в тот момент я понял две вещи.

Первая: ботинок здесь. И это мой шанс.

Вторая: я никогда, ни при каких обстоятельствах не должен показать, что знаю, чей он.

Вечером, лёжа на жёсткой койке в общей казарме, я перебирал в голове каждую деталь. Вербовщик с татуировкой волка привёл меня в учебку УСБ. А в подвале этой учебки, среди прочего дерьма, лежит ботинок седого. Случайность? Нет, в системе, куда я попал, случайностей не было.

Те, кто меня завербовал, сами были повязаны с делом на Проспекте Мира. А значит, я шёл по верному следу.

В голове щёлкнуло: седой говорил про полковника. И теперь его ботинок лежит в архиве у волкодавов из УСБ. Значит, полковник - не тупая шавка из патруля, а кто-то внутри этой же системы. Кто-то, у кого есть доступ к секретным архивам. Возможно, он даже знает, что я здесь. Мысль была обжигающей: я не просто в логове врага. Я учусь у тех, кого, возможно, сам ищу. И мне нужно выяснить, кто именно из них - тот самый полковник.

Я закрыл глаза и положил руку на грудь, где под робой, в нагрудном кармане, лежала всё та же фотография седого. На обороте теперь была одна короткая записка, сделанная моим нетвёрдым почерком: «Полковник связан с УСБ. Я найду его здесь».

Колесо закрутилось.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ НАРЯД

Учебку я окончил не лучшим и не худшим. Шрам лично пожал руку каждому, кто дополз до финала. Когда очередь дошла до меня, он задержал ладонь чуть дольше обычного и процедил сквозь зубы: «Не запори, Стальной. Таких либо быстро валят, либо быстро поднимают. Третьего у нас нет». На его левом запястье, там, где у вербовщика красовалась волчья морда, не было ничего. Чистая кожа. Это в голове засело. Значит, не все в этой системе носили метку. Значит, волк - это был знак принадлежности к чему-то более узкому, чем просто УСБ.

Распределяли нас просто: кого в райотделы под прикрытием, кого в наружку, кого сидеть на прослушке. Меня кинули в патрульно-постовую службу одного из спальных районов. Обычный экипаж, обычный борт, никакой романтики. Но именно там, в ежедневной жиже, пряталась вся гниль, которую я собирался вычистить.

Напарника мне дали сразу. Коля Рябцев. Лет двадцать пять, круглолицый, улыбчивый, с вечно влажными ладонями и говорком уроженца Рязани. На первый взгляд - простачок, из тех, кто на службу пришёл ради пайки и стабильности. Но я сразу взял на заметку: улыбается Коля слишком часто, а глаза при этом остаются абсолютно спокойными. Такие глаза бывают у шулеров или у тех, кто давно ведёт двойную игру.

- Ты, Серёга, главное не выпендривайся, - наставлял он меня в первый же час. - Наша задача - тишина и порядок. Приехали, посмотрели, разошлись. Если кто из наших подъедет за долей - ты не видишь. Понял-принял?

- Понял, - кивнул я, хотя внутри всё кипело.

Первый вызов поступил часам к девяти вечера. Драка у ларька на углу Пролетарской и Строителей. Классика. Приехали - действительно драка. Двое мужиков катались по асфальту, вокруг толпа зевак, продавщица орёт, что сейчас милицию вызовет, хотя милиция уже стояла перед ней. Я напрягся, ожидая увидеть тех самых быков с дубинками, но тут было другое. Обычная пьяная поножовщина без примеси системы. Мы с Колей растянули драчунов, я вызвал вторую машину, повязали обоих. Никто никому не платил, никто никого не крышевал. Даже странно.

Настоящая проверка случилась позже, уже под утро.

Патруль катился вдоль гаражного кооператива, когда Коля вдруг попросил остановиться.

- Тут точка одна есть, - бросил он, не глядя на меня. - Надо заехать.

Точка оказалась автосервисом, обнесённым высоким забором. Ворота приоткрыты, внутри - свет, голоса, сизый дым. И три машины. Одна из них - «бобик» с тонированными стёклами. Такие же, как тот, что когда-то увёз седого мужика с Проспекта Мира. Номер сам собой отпечатался в памяти.

Коля вышел, махнул мне: сиди. Я остался в машине, но боковое зеркало развернул так, чтобы видеть.

Из сервиса вышел здоровый детина в промасленной спецовке. Они с Колей перекинулись парой фраз, после чего детина сунул Коле в карман пухлый конверт. Коля хлопнул его по плечу, даже не скрываясь особо. Вернулся в машину, бросил конверт в бардачок и, заметив мой взгляд, подмигнул:

- А ты думал, на одну зарплату живём? Привыкай, Серёга. Тут все свои. Ты ж теперь тоже свой.

Вот он, перекрёсток. Прямо сейчас я мог вцепиться ему в глотку, вытащить конверт, написать рапорт. И тогда - конец. Конец внедрению, конец делу седого, конец всему. А мог - и должен был - играть дальше.

- Много дают? - спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, почти лениво.

Коля заржал, хлопнул меня по плечу.

- Для первого раза нормально. Потом больше будет. Ты парень крепкий, Шрам тебя хвалил. Должен понять.

Шрам. Значит, и он в курсе. Значит, учебка - это не только подготовка, но и фильтр. Кто не сломался там, того проверяют здесь. И я эту проверку сейчас проходил.

- Разберёмся, - бросил я, откидываясь на сиденье.

Коля хмыкнул, включил передачу, и патруль покатился дальше, в серый рассвет. За окнами проплывали пустые улицы, а я думал о том, что прямо сейчас в бардачке лежит грязная наличность, которая делает меня соучастником. Но эта же наличность делает меня своим. А свой может узнать гораздо больше, чем чужак с чистыми руками.

На тыльной стороне ладони Коли, когда он переключал передачу, мелькнула старая, почти стёртая татуировка. Не волчья морда. Что-то другое. Но явно из того же каталога. Ещё одна зарубка на память.

Когда мы заглушили мотор у райотдела, Коля вдруг посмотрел на меня серьёзно, без обычной своей улыбочки.

- Слышь, Серёга... А ты ведь не простой, да? Я сразу понял. Но ты не ссы. У нас каждый второй не простой. Главное - не забывай, зачем ты здесь.

Я встретил его взгляд и ничего не ответил.

В тот момент я ещё не знал, была ли это угроза, дружеский совет или вербовка на новом уровне. Но одно стало ясно окончательно: система не просто гнилая. Она многослойная. И в каждом слое свои волки.

ГЛАВА 4. НОЧНАЯ СМЕНА

После той смены с Колей я вернулся в общагу под утро, но спать не лёг. В казённой комнате, где из мебели были только железная койка, тумбочка и мутное зеркало над ржавым умывальником, я сел на край кровати и впервые за долгое время разглядывал себя.

Из зеркала смотрел парень, которого я не сразу узнал. За два месяца учебки лицо осунулось, скулы заострились. Под левым глазом ещё желтел остаток синяка - память о вербовке на рынке. Рёбра уже не ныли, но когда я нагибался завязать шнурки, внутри что-то щёлкало. Шрам говорил: срastётся. Я ему верил.

Глаза у меня серые. Мать называла их волчьими, когда сердилась. Сейчас они смотрели из зеркала холодно, без злости и без надежды. Я не улыбался. Я вообще редко улыбался - с самого Проспекта Мира. Не потому что не умел, а потому что забыл, зачем это нужно.

Колю Рябцева я раскусил быстро. Он был из тех, кто не опасен, а удобен. Мягкий снаружи, скользкий внутри. Такие, как он, - идеальные проводники. Через них можно узнать всё, что нужно, не вызывая подозрений. Но был в нём и стержень. Татуировка на ладони - не просто картинка. Такие вещи просто так не набивают.

День прошёл в обычной текучке: пара вызовов, один алкаш, одна семейная драка. Коля травил байки про рыбалку, я поддакивал. К вечеру я уже знал, где он живёт, сколько получает сверху и что у него есть дочь от первого брака. Лишнего не спрашивал - просто слушал. Люди любят говорить, когда их слушают.

Настоящая работа началась ближе к ночи.

За час до конца смены ожила рация. Диспетчер вызвал наш борт к гаражному кооперативу на восточной окраине. Тот самый, где утром Коля брал конверт.

- Опять? - я вопросительно глянул на напарника.

- Другое, - коротко бросил он, и в его голосе впервые за день прорезалось что-то похожее на напряжение. - Там сейчас наши с местными что-то не поделили. Надо присутствовать. Шрам сказал - ты едешь.

Шрам. Значит, он уже в курсе, что я в деле. И, видимо, даёт добро.

Мы приехали, когда солнце уже село. У ворот автосервиса стояло три машины: знакомый «бобик», старая «девятка» местных братков и чёрная «Волга» с тонированными стёклами. Такие «Волги» в нашем городе означали только одно - начальство.

Внутри, в пропахшем бензином и табачным дымом ангаре, собралось человек восемь. Наших было четверо, включая нас с Колей. Остальные - крепкие ребята в кожанках, явно не из милиции. Посередине, на перевёрнутом ящике, сидел грузный мужик лет пятидесяти с бритой головой и золотой печаткой на мизинце. Перед ним стоял раскрытый дипломат с деньгами.

Мужик поднял глаза и посмотрел прямо на меня.

- Это кто?

- Стальной, - ответил за меня Коля. - Новенький. Шрам одобрил.

- Шрам одобрил, - задумчиво повторил мужик. - Ну, пусть смотрит.

Я стоял и смотрел. Смотрел, как деньги перекочёвывают из дипломата в руки наших оперов. Смотрел, как Коля пересчитывает свою долю, даже не пряча пальцев. Смотрел, как бритый гладит печатку и улыбается, будто купил себе ещё один кусок милиции.

И внутри меня что-то леденело. Не злость - злость я научился гасить. А холод. Расчётливый, спокойный холод. Я запоминал лица. Я запоминал суммы. Я запоминал, кто кому кивнул, кто кому пожал руку.

- А новенький-то молчаливый, - хмыкнул бритый. - Это хорошо. Значит, понимает.

- Понимаю, - сказал я ровно.

Коля одобрительно хлопнул меня по плечу. Я даже не дёрнулся.

Позже, когда мы возвращались в участок, он уже расслабился и болтал без умолку. Рассказывал про бритых, про их связи в администрации, про то, что крыша - это не просто деньги, это система взаимных услуг. Я слушал вполуха, а сам прокручивал в голове каждую увиденную деталь.

Бритый называл кого-то полковником. И когда он произнёс это слово, один из наших оперов едва заметно поморщился. Это в голове засело.

Когда мы заглушили мотор у райотдела, Коля вдруг спросил:

- Слышь, Серёга, а ты вообще откуда взялся? Шрам про тебя ничего не рассказывал. Только то, что ты злой и не продался.

Я повернулся к нему и встретил его взгляд. В зеркале я видел свои серые глаза. Сейчас они были точь-в-точь как тогда - холодные, без злости.

- Оттуда, - сказал я. - Где асфальт кончается.

Он не понял. Никто пока не понимал. Но придёт время - поймут все.

ГЛАВА 5. ЧЁРНАЯ ВОЛГА

После той ночной смены в сервисе прошло две недели. Коля окончательно перестал меня проверять и принял как своего. Мы работали в одной связке: днём - обычные вызовы, семейные драки, алкаши, бомжи; ночью - «точки» и «подъезды». Я видел столько грязи, что обычного человека стошнило бы уже на второй день. Меня не тошнило.

За это время я узнал схему до мелочей.

Каждая территория была поделена между группировками. Бритый, которого я видел в сервисе, держал восточную окраину: четыре гаражных кооператива, два автосервиса и рынок на Южном шоссе. С нашей стороны его крышевал майор Костенко - сухой, жилистый мужик с вечно искривлённым ртом, будто он только что раскусил что-то горькое. Он редко появлялся лично, чаще передавал указания через Колю. Но когда появлялся - все затихали.

Деньги текли ровно, без перебоев. В конвертах, в бардачках, в задних карманах. Коля получал свою долю, я - свою. Отказываться было нельзя - это вызвало бы вопросы. Я брал. Складывал в пустую банку из-под кофе на дне тумбочки. Тратить не собирался. Собирал, как улики.

С Костенко я пересекался всё чаще. Он присматривался ко мне, и это было заметно. Однажды подозвал к себе в кабинете. Без свидетелей. Закрыл дверь, сел в скрипучее кресло, закурил.

- Слышал, ты на Проспекте Мира раньше жил? - спросил он, выпуская дым в потолок.

Я напрягся. Никто не спрашивал меня о Проспекте Мира с самого начала. Даже Шрам.

- Бывал, - ответил я ровно. - Давно.

- Давно - это хорошо, - он затянулся, разглядывая меня. - Там много чего было давно. Сейчас тихо. Ты, главное, не лезь в то, что было. Мы здесь живём сегодняшним.

Я молча кивнул. Но внутри всё сжалось. Он знал. Или догадывался. Или просто прощупывал. В любом случае, Проспект Мира всплыл не случайно.

- Ладно, иди, - махнул он. - Работай.

Я вышел и дал себе слово, что вернусь к этому разговору позже.

А потом случилась ночь, когда всё поменялось.

Было начало четвёртого утра. Мы с Колей возвращались с очередной точки. Моросил мелкий дождь, асфальт блестел в свете фар. Рация молчала. Город спал.

На перекрёстке мы заметили машину. Та самая чёрная «Волга», которую я видел у сервиса. Она стояла у тротуара с выключенными фарами. Двигатель работал, из выхлопной трубы вился белёсый дымок. За рулём - никого. Но на заднем сиденье горел тусклый свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.